
ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 18.

СЕНТЯБРЬ. 1821.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
ПРОЗА.  
~~~~~

Абидосская Невѣста.

Турецкая повѣсть, сог. Лорда Байрона.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Извѣстна ли вамъ страна, гдѣ кипарисъ и миртѣ бываютъ эмблемами ежедневныхъ происшествій? Тамъ слышны звуки горлицы уныло воркующей, и тамъ же хищный коршунъ перзаетъ свою добычу. Всегда покрытая новыми цвѣтами, всегда освѣщаемая солнцемъ съ безоблачнаго неба, земля сія производитъ и лозы винограда и величественные кедръ. Благовонное дыханіе зефировъ вѣжитъ алыя розы садовъ ея; днемъ и ночью соловей поетъ въ ея рощахъ; гдѣ созрѣваютъ драгоцѣнные плоды масличнаго дерева и лимоннаго. Песприона разнообразной почвы споритъ о преимуществѣ съ роскошными цвѣтами неба и

съ лазурью океана. Красавицы спраны сея нѣжны, подобно цвѣпамъ, изъ копорыхъ плешупъ онѣ душистыя вязи; на конецъ все восхищительно въ ней, кромѣ нравовъ мужчинъ, шамъ живущихъ. Говорю о прекрасномъ климатѣ Востока, о землѣ солнца; но, ахъ! можетъ ли оно улыбаться, видя поспупки виновныхъ сыновъ своихъ (1)! Сердца въ нихъ свирѣпы; ихъ повѣспи мрачны, какъ послѣднее прощаніе любовника съ любовницей.

II.

Старый Джіаффиръ сидишь въ своемъ диванѣ; онъ окруженъ вѣрными невольниками, вооруженными подобно войнамъ, всегда внимательными, всегда гошовыми исполнись велѣнія своего властелина, должно ли сопупствовать ему, или охраняшь его въ часы опдохновенія. Глубокая дума примѣлна въ очахъ старца: Мусульманивъ умѣеть во всемъ пришвориться, умѣеть все скрышь, кромѣ своей гордосши; неподвижныя чертмы лица никогда и ничего не покажупъ, что происходишь въ его сердць. И однакожь на челѣ Джіаффира въ сей разъ обнаружилось внутреннее безпокойство.

III.

„Удалигесь, и призовите сюда блестящія моего гарема.“ Джіаффиръ

одинъ ; при немъ сынъ его и Нубіянинъ , призванный исполнить приказанія своего властелина. »Гарунъ ! какъ скоро толпа пройдетъ мимо дверей вѣшнихъ (ибо горе дерзновенному , кошорой взглянулъ бы на открытое лице Зюлейки !), вызови дочь мою изъ ея палаты: въ сей часъ должна рѣшиться судьба ея. Ничего не говори ей о моихъ намѣреніяхъ; отъ меня одного обо всемъ она узнаетъ.«

— Паша ! вѣрнѣе твои будущіе исполнены — вотъ все, что можешь сказать невольникъ своему деспоту. Уже Кизляръ направилъ путь къ палатѣ; но юный Селимъ прервалъ молчаніе, которое хранилъ до сего времени. Онъ воздаетъ поклонъ благоговѣнія, пошупляетъ взоры, и начинаетъ говорить тихимъ голосомъ, стоя на ногахъ передъ Пашею; ибо сынъ Мусульманъ на скорѣе умретъ, нежели отважится съестъ передъ своимъ повелителемъ.

»Родитель мой !« сказалъ онъ : »не порицай сестры моей, ни чернаго ея спутника; ибо если сдѣлана какая-либо ошибка, то я одинъ тому виною, и одинъ я долженъ подпасть твоему гнѣву. Утро было столь прекрасно, что сонъ приятнымъ казался могъ однимъ лишь старикамъ или путешественникамъ изнемогшимъ: я вспалъ;

чтобы насладиться роскошными явлениями, какія представляли мнѣ земля и море; но мнѣ было нужно, чтобы другое существо могло внимать мнѣ, чтобы могло ошвѣчать на мысли, которыми сердце мое наполнялось при семъ зрѣлищѣ. Мнѣ противно уединеніе, и потому я рѣшился разбудить сестру мою: тебѣ извѣстно, что дверь гарема немедленно отворяется, лишь только послышатъ мой голосъ. Надзиратель еще не просыпался, когда мы гуляли уже въ кипарисовыхъ аллеяхъ. Тамъ взоры наши въ одно время наслаждались землею, моремъ и небомъ. При чтеніи повѣсти о Меймунѣ (2) и одной пѣсни стихотворца Садія, мы не замѣтили печенія времени; но барабанные звуки (3) напомнили намъ, что насталь часъ своего дивана, и я поспѣшилъ къ тебѣ съ моимъ упреннымъ поклономъ. Зюлейка еще гуляешъ. . . . Родитель мой! не обременяй меня твоимъ гнѣвомъ; она въ совершенной безопасности; никто не можетъ войти въ рошу, кромѣ невольниковъ, охраняющихъ теремъ женщинъ.“

IV.

— Сынъ раба! отвѣтсивуеши Паша съдобрады: даша невѣрныя мащери! шщепно желалъ бы отецъ видѣшь въ тебѣ какія нибудь черты, приличныя мушкьеру. Тебѣ недоспаетъ лишь только сдѣлашься ош-

спутникомъ отъ своей вѣры, чѣобы душа твоя совершенно походила на Грека. Рукъ твоей надлежало бы мешать копіе, натягать лукъ, или укрощать коня дикаго; а ты ходишь только слушать журчаніе воды, или смотришь на развивающуюся розу. О! далъ бы Богъ, чѣобы свѣтило, отъ котораго воспламеняется небо каждымъ упрямъ, и которое возбуждаетъ столько удивленія въ беспечныхъ твоихъ взорахъ, далъ бы Богъ, чѣобы оно сообщило тебѣ искру своего пламени! Хрістіянскими ли пушками сбивались бы зубцы сего замка, Московскіе ли солдаты разрушали бы древнія стѣны Константинополя; и тогда рука твоя неподнялась бы для пораженія невѣрныхъ. Поди! руки твои, которыми и женскимъ успуяшь въ силѣ, должны опказаться отъ желѣза; ихъ дѣло кружить вершину! А ты, Гарунъ, бѣги къ моей дочери; но проспишься съ головою, если опять согласишь Зюлейкѣ выходить изъ перема. . . . Видишь лукъ мой? Не забудь, что онъ съ шепивою. —

Селимъ произноситъ ни одного слова, или по крайней мѣрѣ ни одно недостигаемъ до слуха стараго Джаффира. Укоры, грозные взгляды Паши пронзали его сердце съ большею болью, нежели какую сдѣлала бы сабля Хрістіянина! „Сынъ раба! обвиненія

въ подлой трусости! Другой дорого бы заплашилъ за подобныя обиды! Сывъ раба! Кто же отецъ мой?»

Такимъ образомъ давалъ Селимъ полную свободу мрачнымъ своимъ мыслямъ; во всѣ споры бросалъ онъ взгляды дерзости и гнѣва, неспараясь умѣрять чувствъ своихъ. Джаффиръ пренебрегалъ, вслѣдствіе со взорами сына; въ нихъ видѣлъ онъ ужасное дѣйствіе своихъ упрековъ: Селимово сердце противъ него возмутилось. «Поди сюда, молодой человекъ! Признаю и уважаю твои качества; но есть дѣла, копорыхъ нерѣшился бы я тебѣ вѣрить: еслибъ твоя борода была гуще, еслибъ твоя рука была сильнѣе и проворнѣе; я бы радъ посмотрѣть, какъ ломаешь ты копье, хотя бы то было на моихъ собственныхъ латахъ, или на моемъ шлемѣ.» Джаффиръ произнесъ слова сіи насмѣшливымъ тономъ, и глаза его пристально смотрѣли на Селима: юноша не уступаетъ, и гордо выдерживаетъ взгляды своего властелина, копорой самъ принужденъ былъ пошупить взоры. Спарикъ несметѣлъ дать себѣ отчетъ въ причинѣ собственнаго, произвольнаго замѣшательства.

«Дѣло очень возможное» такъ размышлялъ онъ что сей безразсудный юноша

будеть виною многихъ безпокойствъ моихъ; я нелюбилъ его со дня его рожденія. . . . Къ счастью, рука его неопасна: едва рѣшается онъ преслѣдовать бояливую лань или серну, и никогда не достаётъ въ немъ бодрости лешѣ къ тѣмъ сраженіямъ, въ которыхъ люди храбрые ищутъ славы, подвергая опасностямъ жизнь свою. Иначе, не долженъ ли былъ бы я спросишься сего взгляда, и надлежало ли бы оставлать между живыми человека, споль близкаго мнѣ по крови? Еша кровь. . . Но онъ, кажется, не слышалъ. . . Довольно. Впредь буду наблюдать его съ большимъ вниманіемъ. Селимъ сполько же достоинъ моей жалости, какъ Арабъ (4) или Хрістіянинъ, униженно просящій пощады на равномъ полѣ. Слышу голосъ. . . Епо Зюлейка: голосъ ея улаживаетъ слухъ мой, какъ гимны гурій небесныхъ. Она любимое дитя мое; еша дѣвушка для меня еще дороже и своей матери. Отъ нее ничего неспрашится мое сердце, исполненное сладкими надеждами. О моя Пери! всегда встрѣчаю тебѣ съ удовольствіемъ; взоръ твой не менѣе для меня приятенъ, какъ запекшимся губамъ спранника вода пустыннаго ручья, возвращающая ему здоровье вмѣстѣ съ жизнью. Такою и пы являешься неперфильнымъ очамъ моимъ. Пускай вѣрные, совершивъ пушешескіе

въ Мекку , пускай благодарятъ они пророка, что сохранилъ жизнь ихъ во время спранствія продолжительнаго ! Магометъ даровалъ мнѣ счастье быть родителемъ, и сей даръ достоинъ равныхъ благодареній. Ко мнѣ , дочь моя ! Да благословлю тебя, какъ благословлялъ въ минуцу пвоего рожденія.»

VI.

Прекрасная , подобно женѣ первозданной, когда, улыбаясь къ милому и опасному змию , которой скоро потомъ сдѣлался эмблеммою собственнаго ея сердца ; была она обольщена , и сдѣлалась еще плѣнительнѣе ; восхищительная , подобно видѣнιάмъ скоропреходящимъ, которыми во снѣ наслаждается несчастный, и въ которыхъ сердце, очутившись въ поляхъ Елисейскихъ, видитъ другое сердце, нѣкогда имъ любимое , или же на небѣ находитъ шѣхъ , которыхъ лишилось въ подлунномъ мѣрѣ ; любезная , подобно воспоминанію о подругѣ, лежащей въ могилѣ ; чистая , подобно молитвѣ , возсылаемой къ небу младенцемъ : такова была дочь Паши суроваго. Со слезами встрѣтилъ онъ милую ; но не печаль заставила его пролить сіи слезы. Какой смертный не испыталъ самъ собою, сколь недостаточны слова для изображенія одной искры красоты , сего луча небеснаго ? Кто въ силахъ не восчувствовать ея могущества

и откажашь ей въ дани удивленія? При видѣ ея человекъ ощущаетъ бѣіеніе своего сердца; на щекахъ измѣняется краска и очарованные глаза его омрачаются испу-пленіемъ. Такова была Зюлейка; такъ сіяла неизвѣяснимыми прелестями, копорыхъ только сама незамѣчала. Огонь любви, чистота любезности, умъ, мелодія (5) дышали на лицѣ ея; крпосць сердца раз-ливала на немъ небесную гармонию; душа, можно сказать, блиспала въ очахъ ея. Гибкія, нѣжно округленныя руки ея лежали крестомъ на груди, едва начинающей возви-шаться; она протянула ихъ, бросила на шею отца, который на дѣтскія ласки съ улыбкаю отвѣчалъ своими. Въ сію минупу Джіэффиръ почти гошовъ былъ откажашь-ся отъ принятаго намѣренія: дикое сердце его не могло рѣшиться, не могло посяг-нуть на оскорбленіе той, копорую лю-билъ со всею нѣжноспію родителя: одно лишь честолюбіе возмогло распоргнутьъ узы, копорыми соединенъ былъ съ Зюлейкою.

VII.

„Зюлейка, милое дитя мое! Нынѣшній день покажетъ, сколько ты любезна мое-му сердцу; ибо я забываю собственную скорбь, забываю, что долженъ буду распатъся съ предметомъ нѣжнѣйшей мо-

ей попечительности : ты будешь принадлежать не отцу своему, а уже другому человеку ; я назначилъ тебя супруга. Никогда еще воинъ, болѣе храбрый, не воевалъ арміи къ побѣдѣ. Хотя сыны Магомета мало уважаютъ благородство крови, но я долженъ сказать, что попомство Каразмана (6) всегда было знаменитѣйшимъ въ неуспрашимыхъ полкахъ Тимариотовъ, храбросію своею завоевавшихъ страну, которую ты же храбросію сохраняешь навѣки ; однимъ словомъ, избранный въ женихи тебя есть родственникъ Оглу-Бей. Излишнимъ почитаю говорить тебя объ его возрасѣ : я не согласился бы отрока имѣть своимъ зятемъ. Ты получишь приданое, достойное сего брачнаго союза. Когда могущество мое подкрѣпится могуществомъ зятя ; тогда ему и мнѣ можно будетъ презирать фирманы смерти, передъ кошорыми всѣ подданные Султана пренецуютъ, и скоро узнаютъ исполнили его велѣній, какая судьба ждетъ сихъ посланниковъ, являющихся съ роковыми сурками (7). Теперь извѣстна тебе родительская воля : я сказалъ тебе все, что нужно знать особѣ твоего пола. Мое дѣло требовать, чтобъ ты была послушною ; будущій зять мой изъяснитъ тебѣ обязанности любви супружеской.

VIII.

Зюлеика хранила молчаніе ; голова оклонилась къ груди ея. Она несмѣетъ дать волю слезамъ своимъ : чувство , которое преодоливъ старалась , смѣняло на лицѣ ея багрянность близною ; казалось , что слова , къ ней произнесенныя , поразили слухъ ея , подобно свисшу стрѣлы убійственной ! Но какое было сіе чувство ? Другаго не могло быть кромѣ страха дѣвицы боязливой. Самая слеза въ рѣсницѣ красоты споль прекрасна , что любовь почти съ раскаяніемъ жалѣетъ , за чѣмъ ее осушила своимъ поцѣлуемъ ; багрянецъ на челѣ спыдливости сполько любезенъ , что самая жалость несмѣетъ пожелать , чпобы его не стало. Если такъ думалъ и Джіаффиръ , то онъ скоро забылъ о томъ , что думалъ ; по крайней мѣрѣ онъ обнаружилъ своихъ мыслей. Джіаффиръ при раза ударяетъ въ ладони (8) ; требуетъ своей лошади ; кладетъ въ спорону свой чубукъ , украшенный дорогими камнями (9) ; съ проворствомъ юноши вскочивъ на коня , скачетъ на лугъ , окруженный мограбисами (10) , делисами (11) , мамелюками , которые отправляются участвовать въ играхъ воинственныхъ , сражаются на сабляхъ или на пуныхъ копьяхъ : Кизляръ и подвласниие ему Мавры остались одни при крѣпкихъ затворахъ гарема.

IX.

Между тѣмъ Селимъ , склонивъ голову на руку, водилъ взоры свои надъ волнами синяго моря, которое, тихо вздымаясь, печетъ въ Дарданелльскомъ проливѣ. Но невидитъ онъ ни земли, ни моря; даже не примѣчаетъ пирбановъ на сражахъ Паши Джаффира , подвигающихся на полъ примѣрнаго сраженія. Воины сіи навикаютъ искусству наносить вѣрные удары саблею , разсѣкая свернушый воилокъ (12); бросающъ копьа, издавая дикіе вопли, и оглашая воздухъ громкими восклицаніями: Олла (13)! . . . Селимъ ничего неслышитъ ; душа его занята единственно дочерью Джаффира.

X.

Зюлейка вздыхала. Ея взоры обратились на Селима : онъ блѣденъ , безмолвенъ , погруженъ въ глубокую думу. Зюлейка немогла угадать , что было виною печали ея брата : она сама грустила , но конечно по другой причинѣ. Сердце ея въ движеніи ; но слабость или боязнь удерживаютъ языкъ ея , и она все еще не смѣетъ извѣститься. „Возможно ли!“ воскликнула Зюлейка: „братъ мой отвращаетъ взоры отъ той , которую недавно любилъ столь вѣжно! Никогда еще не поступалъ онъ со мною , какъ сегодня! О небо! не уже ли таково должно быть наше прощанье!“ Трижды прошла она по

комнапамъ, и взоры ея щещно желали встрѣпшиться со взорами Селима. Она берепъ сосудовъ, наполненные влажною сущноспію розы Персидской (14) и пихо льещъ благовоіе на помостъ и на испещренныя стѣны (15); немногія капли падающъ на богатую одежду Селима, орошающъ грудь его, подобно мрамору нечувствительную къ привѣту любви невинной: „Что мнѣ думать? Ты все еще въ мрачныхъ мысляхъ! Ештаго ли ждала я отъ брата?“ И Зюлейка замѣчаешъ въ цвѣшникѣ прекраснѣйшіе цвѣты Воспока. „Нѣкогда Селимъ охотно любовался ими: изъ рукъ моихъ они и шеперь будущъ ему пріяшны.“ Сорвавъ розу, она съ милой улыбкою преклоняешъ колѣна, и подаетъ ее Селиму. „Вотъ посланница отъ соловья съ утѣшеніемъ въ печали къ братцу (16), и съ добрыми вѣспями. Въ наступающую ночь онъ будетъ продолжатъ свои пѣсни, столь пріяшныя своему слуху, и вмѣсто обыкновеннаго, нѣскольکو меланхолическаго напѣва, въ нынѣшній разъ поспраешся издавать веселые звуки. Желаю, отъ души желаю, чшобы необманулса онъ въ своей надеждѣ, и чшобы новая мелодія разсѣяла печальныя свои мысли!

XI.

„Но тебѣ не нравится прекрасной цвѣшкѣ мой! О я злодѣучная! Почему не хо-

Чѣшь ты обратишь взора къ вѣрному своему другу! Развѣ не знаешь, что никто больше меня тебя не любитъ? Милый Селимъ, предметъ вѣжнѣйшихъ заботъ моихъ! меня ли ненавидишь, или боишься? Приди, преклони голову къ груди моей. Поспараюсь утѣшить тебя въ моихъ объятіяхъ, когда уже ни слова мои, ни пѣсни, ни даже соловьиный голосъ немогутъ тебя успокоить. Не рѣдко уже я замѣчала суровость родителя нашего; но въ первый разъ еще ты кажешься разгнѣваннымъ на сестру свою. Мнѣ извѣстно, что Джіаффиръ тебя не любитъ; но развѣ забылъ ты, что Зюлейка любитъ тебя никогда непереставала? Конечно намѣреніе Паши... Епомъ родственникъ Бей Каразмана, можетъ быть, врагъ твой. Если такъ, то клянусь гробницею Пророка (если гробница его неопровергаешь женскихъ моленій, ибо намъ запрещено къ ней приближаться), клянусь, что безъ твоей воли, безъ твоего согласія свободнаго ниже Султанъ самъ не будетъ имѣть власти распоряжатъ моей рукою. Думаешь ли, что могу удалиться отъ Селима, что могу дѣлить съ другимъ сердце, которое все принадлежитъ одному Селиму? Когда переспану жить близь тебя, ты лишишься друга, а сестра твоя лишится насавника. Никогда не наступитъ часъ нашей разлуки. Самъ Азраилъ (17), когда

броситъ онъ стрѣлу ужасную, разлучающую все въ Природѣ, самъ Израилъ превратитъ сердца наши въ персть неразлучную.“

XII.

Селимъ ощутилъ себя возродившимся при сей сладостной рѣчи; дыханіе въ немъ возстановилось; члены его снова получили движеніе и чувствительность: онъ спремится поднятъ сестру, споявшую передъ нимъ на колѣнахъ. Изступленіе ума его разсѣялось; мысли, долго бывшія омраченными, снова заблещали въ оживленныхъ взорахъ: сіи мысли пламенѣли въ душѣ его, хотя взоры сіяли не ослѣпляющими лучами. Потокъ, долго закрытый ивами береговъ своихъ, внезапно расширяетъ воды подъ открытымъ небомъ; огни молній сверкаютъ изъ черной тучи: такъ душа Селимова сверкаетъ въ очахъ сквозь длинныя рѣсницы. Конь мгновенно вздрогнувшій при звукѣ трубы военной, левъ бросающій въ разныя стороны спяю псовъ дерзновенныхъ, пиравъ внезапно пробужденный невѣрнымъ ударомъ кинжала — мучатся безпокойствомъ, едва ли равнымъ тому, какое свирѣпствовало въ душѣ Селима.

Наконецъ даетъ онъ свободу чувствамъ, конюрья клубились въ его сердцахъ. „Теперь пы моя, моя навѣки, и одна

лишь смерть разлучитъ насъ возможетъ! Такъ, ты принадлежишь мнѣ, и швоя клятва, хотя одна лишь ты произнесла ее, соединяетъ насъ неразрывнымъ союзомъ. Хорошо! любовь счастливую мысль въ тебя вдохнула: швоя клятва спасла голову не одному человѣку. Ты блѣдѣешь? Нечего спрашиваться. Къ тебѣ сердце мое питаешь неизяснимую нѣжность. Ты священный предметъ для Селима; ни за всѣ сокровища Ишакара (18) не дерзнулъ бы я оскорбить послѣдняго изъ волосковъ, украшающихъ чело швое. Въ нынѣшнее утро мрачные виды спустились надъ моей головою; меня обременили оскорбленіями, и Джаффиръ почти обвинялъ меня въ подлой прусоссти. Теперь имѣю причины показать свою храбрость. Нелюблю хвалиться мужествомъ; но тотъ, кого дерзнули называть сыномъ презрѣнной рабыни, носитъ въ себѣ такое сердце, которому нестрашны ни слова его, ни угрозы. Я сынъ его! Развѣ только любовь Зюлейки даетъ мнѣ право такъ называться, или по крайней мѣрѣ имѣю надежду сдѣлаться его сыномъ. . . Но скроемъ оиѣ всего свѣша нашу клятву.

„Я знаю непошребнаго, которой смѣетъ просить руки швоей у Джаффира. Никогда Мусселимъ (19) не имѣлъ души сноль подлой и необладаль богатствомъ, приоб-

рѣшннымъ споль безчестно. Развѣ не въ Египтѣ онъ родился (20)? Даже Еврей можетъ передъ нимъ щеславиться своимъ происхожденіемъ. Небудемъ увывать, и постараемся хранить нашу шайну: прочее оставимъ времени. Я найду людей, которые возмутъ мою сторону въ дни опасности: узнай, что я не по, чѣмъ ты почипала меня донныя; у меня есть оружіе, друзья, и мщеніе мое гопово.“

ХІІІ.

— Ты не по, чѣмъ я тебя почипала? О Селимъ! о мой любезный! какая печальная перемѣна съ побою! Сегодня упромъ ты былъ такъ пихъ, такъ любезенъ; а теперь ты вовсе на себя непоходишь. Извѣстна тебѣ моя дружба; она никогда во мнѣ неослабѣетъ, она же никогда и усилишься не можетъ. Мое счастье тебя видѣть, тебя слушать, быть всегда съ побою. Непонимаю, отъ чего ночи для меня ненавистны; отъ того, быть можетъ, что мы только днемъ бываемъ вмѣстѣ. Неимѣю бодрости опказывать себѣ въ надеждѣ жить и умереть съ побою. Дай мнѣ поцѣловатьъ твои щеки, твои очи, твои губы. . . . . Еще. . . О Небо! уста твои пылаютъ! . . . Чего можешь претбовать отъ Зюлейки? Утѣшать тебя въ грусти, беречь твое здоровье, пользоваться твоимъ богат-

спломъ , но нераспочашъ его , бышь всегда съ побою , никогда нежаловашься на судьбу свою , украшашъ самую даже бѣдность твою — однимъ словомъ , дѣлашь все для себя (только лишь незакривашъ очей твоихъ въ послѣднія минушъ , ибо во мнѣ самой недоспало бы жизни , дабы исполнишь сію печальную обязанность): вошъ къ чему спремьшя всѣ мои мысли. Могу ли сдѣлашь болѣе ? Требуи.

Но скажи мнѣ , Селимъ , къ чему такая скрышность ? Не могу постигнушь причины ; но причина должна бышь , ибо себя она извѣстна. Непонимаю себя , когда говоришь ты объ оружіи , о людяхъ , которые возмушъ твою спорону. Я бы желала , чшобъ самъ Джіаффиръ былъ свидѣтелемъ клятвы , мною произнесенной: гнѣвъ его незаставилъ бы меня отъ нее отречься ; но я несомнѣваюсь , что отецъ мой далъ бы мнѣ полную свободу. Кому покажется спраннымъ мое вѣжное желаніе сохранишь чувства , которыя всегда къ себя я имѣла ? Кто другой , кромѣ Селима , видалъ Зюлейку со дня ея рожденія ? Кого другаго искала Зюлейка , чшобы провести время въ приятномъ разговорѣ ? Ты дѣлилъ съ нею забавы ея дѣтства , и нынѣ ты же повсюду ее сопровождаешь. Сіи любезныя мысли начались вмѣстѣ съ бытіемъ моимъ ;

для чегожъ не могла бы я объявлять ихъ въ нынѣшнее время? Какая произошла перемѣна, и по какой причинѣ должна я скрывать истину? Мы всегда уважали ее, и всегда шѣмъ гордились. Законы, вѣра, Богъ запрещаютъ намъ смотрѣть на постороннихъ: сердце мое никогда не спанетъ роптать на сіе постановление; не обвиняешь оно въ жестокости и Пророка, повелѣваго намъ исполнять оное; повинуюсь ему, и я счастлива: ешю законъ ничего меня не лишаетъ, ибо себя могу я видѣть во всякое время. Меня сокрушила одна мысль о соединеніи съ такимъ человекомъ, котораго никогда я не видала. Для чего не скажешь о семъ башюшкѣ? для чего желаешь ты, чтобы я шайлась? Мнѣ извѣстно, что высокоумный нравъ Паши никогда не являлся къ тебѣ благосклоннымъ. Часто гнѣваешься онъ по причинамъ очень маловажнымъ, и дай Боже, чтобы никогда неимѣлъ онъ справедливой причины на тебя сердиться! Незнаю сама, отъ чего душа моя опворачается отъ притворства. Не уже ли шайна есть пресупленіе? Отъ чего же чувствую помленіе при одной мысли, что я должна сокрыть ее въ моемъ сердцѣ? О Селимъ! еще есть время; извясни мнѣ непостижимое, удали отъ меня безпокойныя мысли. Небо! я вижу приближающагося Чукадара (21)! Башюшка возвращается, и

я боюся встрѣпиться съ его взоромъ. Ахъ, Селимъ! скажи мнѣ причину етому. —

XIV.

„Ступай въ свою комнапу, Зюлеика! безспрашно могу я встрѣпиться взоры Джіаф-фира; мнѣ надобно оспашься, надобно говорить съ нимъ о фирманахъ, о налогахъ, о наборѣ въ солдашы людей и о другихъ дѣлахъ государственныхъ. Получены неприятныя вѣсти съ береговъ Дуная; нашъ Визирь теряетъ лучшихъ солдатъ своихъ, гонясь за успѣхами, которыхъ всѣ слѣдствія обращаются въ пользу невѣрныхъ: Султанъ всегда готовъ награждать побѣды своего полководца.

„Но выслушай: сего дня вечеромъ, когда барабанъ сумерекъ позоветъ солдатъ къ ужину и отдыху, я приду въ свое жилище; оспорожно, тихо мы выдемъ изъ гарема, и въ нашей волѣ будетъ наслаждаться приятностію ночи. Высокія стѣны сада защитятъ насъ; никто непрерыветъ нашего разговора, никто не сократитъ времени свиданія нашего; но еслибъ дерзнулъ кто — моя сабля: уже не одинъ безразсудный испыталъ ея крѣпость. Тамъ услышишь отъ меня тайны, о которыхъ ты никогда еще не помышляла. Повѣрь, Зюлеика, я не долженъ быть предметомъ

пивога спраха ; тебѣ извѣстно , что у меня естъ ключъ отъ гарема . . . « — Бояшься тебя мнѣ, Селимъ? Ахъ, никогда еще неказалъ ты мнѣ столь неприятнаго слова. — »Неспанемъ шеряпъ времени ; спупай, Зюлеика; ключъ у меня въ карманѣ: спражи Гаруна уже получили нѣкоторую награду, и еще болѣе получишь надѣюся. Въ эту ночь, Зюлеика, такъ, въ нынѣшнюю ночь ты узнаешь мою испорію, мои намѣренія и причины моихъ опасеній. Нѣтъ, милый другъ мой! нѣтъ, я не то, чѣмъ кажуся.

(До слѣд. книжки.)

П Р И М Ѣ Ч А Н І Я.

- (1) Souls made of fire, and children of the sun
With whom revenge is virtue.

Joung's Revenge.

Огненныя души, чада солнца, для копорыхъ мщеніе естъ добродѣтель.

- (2) *Мейнунъ* и *Леила* на Воспокъ по же, чпіо у насъ въ Европѣ *Ромео и Юлія*. Сади — имя нравоучительнаго спихопворца Персидскаго.

- (3) Въ Турціи бьютъ въ барабанъ при восхожденіи солнца, въ полдень и въ сумерки.

- (4) Турки ненавидящъ Арабовъ, которые съ своей спороны плашящъ имъ спорицею; еще болѣе ненавидящъ Арабовъ, нежели Хрістіянь.
- (5) Авшоръ знаешь, почему упопробилъ сію фразу. Г-жа Спаль въ сочиненіи своемъ о *Германіи* весьма краснорѣчиво доказываетъ сходство между живописью и музыкой.
- (6) Каразманъ-Оглу, или Кара-Османъ-Оглу есть главный помѣщикъ въ Турціи; онъ управляетъ Магnezіей. Тимаріотами называются Турки, по праву почти феодальному владѣющіе землями, и обязанные за то нести военную службу. Подобно Спагамъ, они выставляютъ число солдатъ, соотвѣтствующее пространству ихъ владѣній. Вообще служатъ они въ конницѣ.
- (7) Если Паша видитъ себя довольно сильнымъ и можетъ прошивиться Султану; но обыкновенно по его приказу умерщвляются чиновники, отправляемые къ нему съ роковымъ шуркомъ изъ Константинополя; нерѣдко пять или шесть подобныхъ вѣстивиковъ одинъ за другимъ предаются смерти возмущившимся Пашею. Но если, напротивъ того, Паша не можетъ или нехочетъ прошивиться своему повелителю; то преклоняетъ голову, цѣ-

дуетъ *подпись* руки Сулпана и смиренно дозволяетъ удавить себя. Въ 1810 году на воровствѣ серала выпавлены были головы многихъ Пашей, подпавшихъ подобной казни, и въ числѣ ихъ находилась голова Паша Багдадскаго, храбраго молодого чело-вѣка, которой, оборонявшисъ опчаянно, былъ убитъ посредствомъ измѣны.

(8) Турки бьютъ въ ладони, когда надобно имъ позвать невольниковъ; они не любящъ распочать словъ безъ особенной нужды, а колокольчики у нихъ не въ употребленіи.

(9) Мушпуки чубуковъ Турецкихъ обыкновенно бывающъ яннарные; у богачей они, равно какъ и самыя шрубки, иногда украшающъ дорогими каменьями.

(10) Мограбисы — ешо наемные Мавры.

(11) *Делисами* называющъ опчаянные удалцы, служащіе въ конницѣ. Они обыкновенно начинающъ атаку.

(12) Турки употребляютъ свернушой войлокъ, когда упражняются въ искусствѣ управлять саблею. Только ихъ спраны оружіе удобно разсѣкать подобныя вещи за однимъ разомъ. Иногда употребляется весьма крѣпкая чалма для подобныхъ опышовъ.

Джерридъ есть примѣрное сраженіе на шупныхъ копьяхъ — игра, пребующая необыкновеннаго проворства и самая живописная.

- (13) *Олла, Алла-иль-Аллабъ*: первое слово правильнѣе. Это есть восклицаніе, слышомъ часто употребляемое Турками, впрочемъ молчаливымъ народомъ. Они повсюрюютъ его на охотѣ, во время игры въ шупныя копья, а особливо на сраженіи. Живопись ихъ на войнѣ, въ продолженіе самой битвы, представляетъ удивительную противуположность съ тою медлительною важностію, которая наблюдается ими, когда сидятъ они у себя дома, кура шабакъ и перебирая зерна (комбалою).
- (14) Эссенція розы называется Апаръ-гюль. Драгоценнѣйшею почитаютъ Персидскую.
- (15) Въ Турціи, въ большихъ домахъ, сѣдны бываютъ расписаны, и обыкновенно изображаются на нихъ виды Константинополя. Краски весьма ярки; но ни одно изъ правилъ перспективы не наблюдается. На панеляхъ бываютъ изображены въ маломъ видѣ довольно красивыя профили изъ ружей и сабель.
- (16) Много было споровъ о томъ, какогъ свойства цвѣтъ любовника розы — веселое

ли оно, или печальное. И шеперь еще мнѣ-
нiя о семъ различны.

(17) Азраиль — ангель смерти.

(18) Сокровища Сулпановъ, жившихъ буд-
то бы до Адама. См. у *Гербелота* спашью:
Истакаръ.

(19) *Мусселиль* значить вообще правитель.
Ешо первой чиновникъ послѣ Паши; за
нимъ слѣдуетъ *Воевода*, а за симъ уже
Ага.

(20) Негрепоншъ называется у Турковъ Ег-
рипо. Есть пословица: Негрепоншскіе
Турки, Салоническіе Жиды и Аѳинскіе
Греки никуда негодятся.

(21) Чукадаръ — домашній служитель, пред-
шествовающій своему господину, чельовку
знашнаго чина.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 19.

ОКТАБРЬ. 1891.

Г. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
ПРОЗА.  
~~~~~

Абидосская Невѣста.

(Окончаніе.)

Часть вторая.

I.

Сильными вѣтрами воздымающіяся волны Геллеспонша, подобно какъ въ бурную ночь, когда неуспрашимый любовникъ, единственная надежда Сеспосской красавицы, дерзнулъ предаться опасностямъ моря, повинувшись законамъ любви, забывшей простерть къ нему руку помощи. Леандръ узрѣлъ блескъ огня на краю горизонта, огня возженного любезною надъ своимъ перемомъ, и ни ревъ развѣренныхъ вѣтровъ, ни колебаніе пѣнисныхъ волей, ни дикіе крики морскихъ птицъ, ничто не могло напомнить ему объ опасности предпріянія. Тщетно буря закрывала небо облаками,

№ 19.

К

пщечно воздымала развѣренную влагу: очи его ничего невидѣли, кромѣ фароса любви, единой звѣзды на горизонтѣ, которую онъ обыкъ привѣщивовашъ; до слуха его не доходили никакіе звуки, кромѣ голоса возлюбленной: „о воды Геллы! неразлучайте болѣе любовниковъ!“ Такова древняя поѣсь; но любовь еще развѣ можетъ возжечь въ юныхъ сердцахъ спрасъ, споль же пламенную.

II.

Сильно дуютъ вѣтры, и Геллеспонтѣ тяжело кашитъ грозныя, реущія свои волны; пары ночные опускаются мало помалу и покрываютъ сіи поля, обогрѣнныя кровопролитіемъ бесполезнымъ. Пустыня, гдѣ возвышался городъ, которымъ нѣкогда спарецъ Пріамъ гордился; могилы, единыя слѣды его Царства, все исчезло . . . . все, кромѣ безсмертныхъ мечпаній, восхищавшихъ слѣпаго спарца, рожденнаго на утесахъ острова Скіо.

III.

„Привѣщивую васъ, берега, воспѣтые Гомеромъ! Спопы мои попирали священную землю вашу; я имѣлъ дерзость ввѣряться волнамъ моря, которое васъ омываетъ! Почто еще и теперъ немогу мечпанъ и плакать съ шобою, о божественный Пѣвецъ

Ахилла! немогу спрансповашь по симъ мѣ-
спамъ древности, благоговѣно приближашь-
ся къ каждому холмику дерновому, какъ бы
вмѣщаль онъ въ себѣ прахъ одного изъ геро-
евъ; видѣшь наконецъ сіе море, которое
ты назвалъ широкимъ Геллеспонпомъ (22)!
Ахъ! какое сердце ледяное дерзнуло бы здѣсь
воспрошивишься швоей Музѣ ?

IV.

Ночь проспела шѣни свои надъ мо-
ремъ Геллы; но луна еще недостигла вер-
шины горы Иды, откуда нѣкогда она сіяла
надъ героями Греціи; ни одинъ воинъ не
проклинаешь нынѣ шихихъ лучей ея,
но паспухи счастливые всегда ихъ благо-
словляющъ. Спада ихъ пасупся на могиль
полубога, посшитнутаго спрѣлами Париса.
Сія высокая громада земли, вокругъ копо-
рой величественно ходилъ сынъ Юпитера
Аммона (23), сей памятникъ, воздвигну-
тый народами, увѣнчанный Царями, пред-
ставляешь нынѣ одно лишь пустынное
мѣсто, неимѣющее никакого имени. О сынъ
Пелея! какъ шѣсною должна бышь полоса
земли, копорую ты занимаешь съ епой
могиль! Спранникъ, ищущій узнать ее,
шолько лишь произносишъ одно швое имя.
Прахъ людей обыкновенно долговѣчѣе над-
гробнаго камня, на копоромъ вырѣзана ихъ
исторія; но швой даже и прахъ потеряшь!

V.

Въ нынѣшнюю ночь Діана долго будетъ освѣщать паспуха со спадомъ и разгоняетъ опасенія мореходца. Между тѣмъ, до появленія благошворнаго свѣтила, ни одного маяка не поставлено на утесахъ, ни одной свѣточи, къ которой могла бы направитъ путь ладія, носимая волнами; всѣ огни, въ разныхъ мѣстахъ сверкашіе вдоль залива, мало помалу исчезли. Одинъ лишь огонекъ мерцалъ въ сіи часы безмолвія: это лампа, освѣщавшая перемъ Зюлеики. Дочь Паши сидитъ на шелковыхъ подушкахъ; прекрасныя персты ея пробѣгаютъ по благовоннымъ зернамъ янтарныхъ четокъ (24). При ней ушваръ, навсегда незабвенная: это священный пализманъ (25) ея матери; онъ осыпанъ изумрудами и содержитъ въ себѣ стихи изъ Корана. Сія драгоценность имѣетъ силу уполять скорби здѣшной жизни, и помогаетъ достигать выгодъ, обѣщанныхъ въ лучшемъ мірѣ. Подлѣ молитвенныхъ четокъ лежитъ Коранъ (26), украшенный богатою живописью, лежатъ свипки, блестящіе эмблематическими изображеніями и содержащіе въ себѣ стихотворенія Персидскихъ поетовъ. Далѣ покоится лира, о которой Зюлеика, вопреки своему обыкновенію, теперь совсѣмъ немышляла. Вокругъ золотой чеканной лам-

ны разспавлены душистые цвѣшны въ Китайскихъ сосудахъ; богатѣйшія лкани Ирана, восхитительные ароматы, которые Ширазъ приносишь Пашъ въ дань ежегодно, наконецъ все, что можеть лишь очаровать чувства, — все собрано въ роскошномъ жилищѣ его дочери. Но что дѣлаеть Зюлеика, богиня сей храмины? чего ждеть она въ сію ужасную полночь?

VI.

Закутавшись въ одну изъ одеждъ черныхъ, которую могуть носить только лишь знашныя Мусульмане, и которую взяла она, дабы защитишь отъ холодныхъ вѣтровъ грудь, безцѣнную для Селима, Зюлеика съ робкою осторожностію идееть по кривымъ дорожкамъ сада; она препенеть при каждомъ глухомъ спонѣ въ пра, при каждомъ движеніи листвевъ. Уже достигла она до стези менѣ трудной, и боязливое сердце ея можеть бишься свободно. Юная дѣва слѣдуеть за безмолвнымъ пушепроводилемъ и въ тайномъ страхѣ жалеть о перемѣ, отъ котораго удалась; но могла ли она оставишь любезнаго Селима? могли ль успа ея произнести упрекъ тому, кого любила она столь вѣжною любовію?

VII.

Наконецъ достигаютъ они грога, изрыпаго Природою, расширеннаго человеческими руками: сюда обыкновенно приходила Зюлейка играть на люпнѣ, или же выучивать на изустѣ стихи Корана. Нерѣдко, погружаясь въ думу глубокую, спаралась она сославить себѣ понятіе о Магометовомъ раѣ. Пророку не было угодно открыти смерпнымъ обитательницамъ здѣшняго міра, въ какое убѣжище переселятся ихъ души; но Селиму извѣстна будущая судьба его, и Зюлейка не понимала, какимъ образомъ онъ возможепъ долго оспаваться въ жилищѣ блаженства безъ милой подруги, копорую споль нѣжно любилъ въ здѣшнемъ свѣтѣ. Ахъ! и кто въ райскихъ селеніяхъ будетъ любить его, подобно Зюлейкѣ: какая гурія спанетъ распочать для него споль нѣжныя ласки?

VIII.

Съ того времени какъ Зюлейка посѣщала сію пещеру, въ ней, по всему кажется, многое перемѣнилось; но можепъ быти пора ночная причиною обмана, копорой мгновенно исчезнетъ при дневномъ свѣтѣ. Лампа издаетъ лучи умирающіе, слабое подобіе мерцающаго неба. Но и при нихъ Зюлейка усматриваетъ въ одной впади-

въ пещеры спранныя вещи, привлекшія на себя все ея вниманіе. Тамъ навалено было множество оружія; но ешо оружіе не походило на то, какое делисы употребляютъ въ сраженіяхъ. Полосы и рукоятки сабель сдѣланы по образцу чужеземному; одна изъ нихъ еще обогрена кровію. Пяшно сіе конечно должно бытъ признакомъ злодѣйства; ибо какимъ образомъ можно проливать кровь, недѣлая въ то же время пресупленія? На доскѣ спойтъ чаша, наполненная, какъ видно, необыкновеннымъ напитокомъ. Чтѣ значить все, видимое ею? Она обращаетъ глаза, ищетъ Сѣлима. Не уже ли ешо Селимъ спойтъ передъ нею?

IX.

Онъ сбросилъ съ себя богашую верхнюю одежду; голова его не была уже покрыта высокою чалмою, и виски его явились обвитыми пканью багрянаго цвѣта. Кинжалъ, осыпанный камнями, доспойными украшаетъ діадиму, уже болѣе неблисталь у его пояса, на которомъ висятъ пистолепы проспые, безъ всякаго украшенія. Перевязь поддерживаетъ его саблю; на плечо его небрежно накинута бѣлая епанча съ капшономъ, какую носятъ по морямъ спранствующіе кандіюпы; узкимъ изъ золотой пкани кафшаномъ обхватило грудь его какъ бронею; верхняя часть спупени обвѣхъ ногъ

его покрыва серебряною бляхой. Въ семъ уборѣ его бы можно принять за молодого галіонджія (27), если бы взоры и движенія не показывали въ немъ начальника.

Х.

„Я сказалъ тебѣ, что я не то, чѣмъ донинѣ ты меня почитала; истина словъ моихъ теперь для тебя подтвердилась. Я расскажу неизвѣстную тебѣ исторію. О! у многихъ Мусульманъ исторгнешъ она проклятія, когда узнаютъ, что она справедлива! Не время нынѣ припворяться! Не могу сперитъ, чтобы ты досталась Осману; но еслибъ успѣ твои не открыли мнѣ, какое нѣжное участіе принимаетъ во мнѣ Зюлейка, я бы не могъ, я бы не долженъ былъ открыть тебѣ глубочайшей тайны моего сердца. Въ сію минушу не говорю о любви своей; время и опасности, на которыя усремляюсь, лучше всего докажутъ тебѣ истину; между тѣмъ общаюсь мнѣ, никому другому не отдавать руки своей, кромѣ Селима. О Зюлейка! Селимъ не братъ тебѣ.“

ХІ.

— Ты не братъ мнѣ? О Небо! Опрекись отъ пагубныхъ словъ твоихъ. Не уже ли осуждена я жить одна въ мірѣ, жить и оплакивать свою долю? Недержаю проклиная день своего рожденія. Ахъ! ты

не будешь любишь меня болѣе. Вспревоженное сердце мое предчувствовало несчастье; но яви ко мнѣ милость, Селимъ! Почитай меня всегда тѣмъ, чѣмъ была я для тебя донинѣ, — своей сестрою, своимъ другомъ, всегда своею Зюлейкой. Можешь бышь, ты привелъ меня сюда, чтобы поразить ударомъ смерти! Ищешь ли мщенія? Передъ побою опкрытая грудь моя, и я спократно почту себя счастливей, сходя въ обитель умершихъ, нежели опасаясь здѣсь для тебя чуждою; можешь спастись, ты меня даже ненавидишь. Знаю шеперь, ошъ чего Джаффиръ поступалъ съ тобою, какъ со врагомъ своимъ. Ты оскорбленъ опцемъ моимъ, и я болѣе уже не сеспра тебѣ. Ахъ! если угодно тебѣ пощадишь жизнь мою, дозволь мнѣ по крайней мѣрѣ бышь твоей рабою. —

ХII.

»Ты, моей рабою! Ахъ, Зюлейка! я, я твой невольникъ! Но успокойся, вѣрный другъ мой! Судьба твоя навсегда сопряжена съ моею; клянуся въ помъ гробомъ нашего Пророка, и мысль сія да будетъ цѣлебнымъ бальзамомъ для твоихъ горестей. Спиши Корана (28), на полость моей сабли начертанные, шакъ да управляюшь ея движениями, какъ я сохраню произнесенную мною клятву. Должно переменить имя

столь сладостное для твоего сердца; но, Зюлейка, связавшія насъ узы не совсѣмъ распоргнушы. Хотя отецъ твой непримиримѣйшій врагъ мнѣ; но мой родитель былъ для Джіаффира тѣмъ, чѣмъ ты меня въ отношеніи къ себѣ почитала. Сей варваръ низвелъ съ престола своего брата, моего родителя, и пощадилъ мое младенчество; онъ освавилъ меня въ заблужденіи, и получилъ за то свое возмездіе; воспиталъ меня, никогда не оказывая мнѣ родительскихъ попеченій. Я находился при немъ какъ племянникъ другаго Каина (29); онъ безпрестанно наблюдалъ за мною, смотрѣлъ на меня какъ на львенка, уже грызущаго цѣпь свою, уже готоваго ее распоргнушь. Родительская кровь кипитъ въ моихъ жилахъ; но для любви къ Зюлейкѣ я опсрочу мое щменіе, хотя и не могу долѣе осваваться при Джіаффирѣ. Узнай шеперь, о моя любезная! какія употребилъ онъ средства, чшобы роднаго брата принести на жершву своей коварной, варварской полишкѣ.

XIII.

„Откуда возникла распря отцевъ нашихъ? какимъ образомъ вражду свою просперли они даже до ненависти? Зависѣли ли, любовь ли сдѣлала ихъ врагами? Теперь мало намъ въ щомъ нужды, и мнѣ сіе

неизвѣстно. Самыя легкія оскорбленія до-
спачочны нарушаютъ покой двухъ сир-
децъ, исполненныхъ неукротимой горды-
и. Рука Абдаллы спрашна была на полъ
брани; его имя и теперь еще славится въ
пѣсняхъ Босняковъ, и мяшежныя орды Па-
свана свидѣтельствуютъ объ его храбро-
сти. Я долженъ говорить единственно объ
его смерти, жестокомъ дѣлѣ мученія Джі-
аффира; долженъ объявить тебѣ, какимъ
образомъ сдѣлалась извѣстною мнѣ тайна
моего рожденія, возвратившая мнѣ свобо-
ду, которой похитишь у меня уже не-
имѣешь онъ власти.

XIV.

»Сражавшись многіе годы, сперва за
жизнь свою, потомъ за свое могущество,
гордо властвовалъ Пасванъ (30) въ степяхъ
Виддина. Паши вѣрные Султану соединили
свои войска. Джіаффиръ и Абдалла, равные
по начальству, привели дружины изъ своихъ
пашаликовъ. Бунчуки ихъ (31) развѣвались
при соединенной арміи на равнинахъ Софій-
скихъ. Шаптры были раскинуты, каждому
Паши назначено свое мѣсто, и братья могли
бы дѣйствовать, не мѣшая одинъ другому.
Но къ чему распространяться? Абдалла
погибъ; Джіаффиръ велѣлъ приготовить
ядъ шонкій, убійственный, подобный ду-
шѣ его. Абдалла подкрѣплялъ въ банѣ силы

свои, упомянутыя звѣриною ловлей; могъ ли думать онъ, что бранъ уготовалъ ему подобное пище для утоленія жажды? Подкупленный невольникъ подаетъ роковую чашу; несчастный касается къ ней губами, и смерть уже въ его внутренности (32).

„Если ты сомнѣваешься въ истинѣ словъ моихъ, о Зюлейка! вступи Гаруна: онъ подшвердиль ее.

XV.

„Скоро послѣ сего злодѣйства война прекратилась, хотя и не успѣли покорить Пасвана. Джіаффиру досталась въ наслѣдство обласъ моего родителя: ты не знаешь, какую силу въ нашемъ диванѣ даетъ богатство даже самому лютому изъ смертныхъ. Достояніе Абдаллы получилъ пошль, кто обогрилъ руки свои въ его крови невинной! Правда, что онъ испошилъ на то почти всѣ сокровища, незаконно прибрѣтенныя; но скоро вознаградилъ онъ себя за сію пошерю. Желаетъ ли знаешь, какими средствами? Взгляни на поля невоздѣланныя; вступи безущѣшнаго селянина, у котораго исторгнулъ онъ плоды пошловыхъ ирудовъ его. Но для чего ширанъ пощадилъ сына своей жертвы? Какимъ образомъ рѣшился онъ держать меня въ своемъ домѣ? Ето мнѣ неизвѣстно. Спидъ, раскаяніе, угрызенія, слабость младенца,

которой не могъ возбуждать никакихъ опасеній, желаніе имѣть усыновленнаго опрока, не получивъ отъ Неба въ даръ собственнаго сына, какойнибудь скрышной умyselъ, наконецъ даже прижолъ — вопль гадательныя причины, которыми я обязанъ сохраненіемъ своей жизни; но я не могу жить въ мірѣ съ Джіаффиромъ; жестокой нравъ его не можетъ смягчиться, а вопіющая кровь родителя пребудетъ мести.

XVI.

„Невольники отца своего не все ему верны; Джіаффиръ имѣетъ враговъ въ своемъ собственномъ домѣ. Еслибъ я открылъ имъ свою тайну, мало бы минутъ осталось ему жить на свѣтѣ: недовольнымъ нуженъ лишь предводитель, которой управлялъ бы ихъ усиліями, и котораго рука указывала бы имъ, гдѣ поражать должно. Одному Гаруну известна исторія, уже близкая къ своей развязкѣ. Въ сералѣ Абдаллы онъ отправлялъ шу же должность, какую отправляетъ нынѣ у его брата, и былъ свидѣтелемъ послѣднихъ его вздоховъ: но что въ силахъ сдѣлать простой невольникъ? Опмстись за господина? ахъ! это было бы уже слишкомъ поздно. Избавить сына его отъ подобной участи? на это онъ и рѣшился. Между тѣмъ какъ побѣдилъ враговъ своихъ, гордый коварствами

Джіаффірѣ наслаждался своимъ пріумфомъ, Гарунъ привелъ меня въ его чертоги, и немщепны были мольбы раба о сиротѣ безпомощномъ. Происхожденіе мое положено хранишь въ тайнѣ отъ всего свѣта, особливо отъ меня, и сія предоспорожность успокоила пирана. Скоро попомъ Джіаффірѣ, оставивъ Ромелію и берега Дуная, переселился на сей опдаленный берегъ: изъ всѣхъ людей, при немъ находившихся, одинъ Гарунъ зналъ меня и мою тайну. Нубіянинъ во всемъ открылся мнѣ: онъ понялъ, что тайны пирана суть цепи, отъ которыхъ съ радостію освобождается плѣнникъ. Такъ правосудный Алла злодѣйству даетъ рабовъ, даетъ орудія и сообщниковъ, но никогда недаруетъ ему вѣрнаго друга.

XVII.

„Зюлейка! повѣсть моя должна показаться тебѣ ужасною; но еще ужаснѣе то, о чемъ теперь отъ меня услышишь: открою тебѣ всю истину, сколько бы слова мои ни оскорбили твою вѣжность. Ты вздрогнула, увидѣвъ на мнѣ сію одежду. Знай же, что я часто имѣлъ ее на себѣ, и что долго еще носить ее буду. Въ Галіонжіѣ, принявшемъ твою клятву, видишь — начальника морскихъ разбойниковъ, для которыхъ нѣтъ другихъ законовъ, кромѣ ихъ сабель. Лице твое покроется блѣдностію,

когда услышишь ихъ ужасную исторію, Ты видѣла епо оружіе: оно принесено моими солдатами, и они теперь недалеко отъ здѣшняго мѣста. Еща чаша наполняется для разбойниковъ, мною предводительствуемыхъ; вливаемое сюда питье даетъ сердцамъ ихъ опвагу и веселіе. Пророкъ можетъ извинить сіи рабскія души: имъ надобно пить вино, чтобы сдѣлаться нарушителями своего закона.

XVIII.

„И чему иному надлежало случиться со мною? Принужденный всегда жить въ чертогахъ, и быть въ нихъ изгнанникомъ; осмѣиваемый, когда изъяслялъ желаніе исторгнуться изъ ненавистнаго покоя, къ которому меня осудили — я не имѣлъ ни коня, ни копія: Джіаффиръ опасался научить меня употребленію того и другаго, и онъ же, о Магометъ! онъ же, деспотъ, много разъ имѣлъ подлую дерзость оскорблять меня въ полномъ диванѣ, какъ будто слабая рука моя опказывалась потрясать желѣзомъ или управлять бродями! Осправляясь на войну, никогда не бралъ онъ меня съ собою; держалъ меня въ своемъ домѣ, лишеннаго надежды и славы, и оставлялъ подъ наблюдениемъ Гаруна вмѣстѣ съ подлыми его рабами. Но чтобы не все подвергать случайностямъ войны неизвѣстной, онъ оп-

сылалъ тебя въ крѣпкія стѣны Брусъ до прекращенія непріятелискихъ дѣйствій , и паки въ образѣ оплучалъ опѣ меня мою Зюлейку , ту , чья нѣжность смягчала мою душу и по крайней мѣрѣ облегчала мою горесть. Гарунъ , видя что духъ мой изнемогаетъ въ невольномъ бездѣйствіи , распоргалъ оковы мои на нѣкоторое время , хотя не безъ боязни распавался онъ съ своимъ плѣнникомъ. Онъ бралъ съ меня обѣщаніе возвратиться къ тому дню , когда исполнятся срокъ начальства для Джіаффира. Языкъ мой не въ силахъ выразить радости , которую ощутило мое сердце , когда , въ нервую минуту свободы , увидѣлъ я землю , море , небо и солнце. Духъ мой , казалось , проникнулъ до глубины ихъ и опкрылъ все , что ни есть въ нихъ чудеснаго ; одно лишь слово можешь дать тебѣ понятіе о томъ , что происходило въ моемъ сердцѣ : свобода ! я былъ свободенъ ! Изнеможеніе мое исчезло , хотя и былъ я опдаленъ опѣ Зюлейки. Мнѣ принадлежалъ весь міръ ! что говорю я ? самое небо , все мнѣ принадлежало !

(*Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.*)

П р и м ѣ ч а н і я.

- (22) У Гомера Геллеспоншъ названъ *ἄπειρος* — *безпредѣльнымъ* или по крайней мѣрѣ весьма широкимъ. Ученые различнымъ образомъ полжуютъ сие слово. Лордъ Бейронъ, на самомъ берегу Геллеспонша, былъ свидѣтелемъ спора о значеніи упомянушаго епипета, и чптобы увѣриться въ *безпредѣльности* сего пролива Геллы, рѣшился переплыть его, подобно Леандру. Онъ полагаетъ, что Гомеръ упопребилъ гиперболу. Такъ въпренницы, увѣряя во всегдашней привязанности, подъ словомъ *вѣгностъ* разумють двѣ или три недѣли.
- (23) Александръ Македонскій, передъ впроженіемъ своимъ въ Персію, посѣщаль гробницу Ахиллову, и олтари ея увѣнчалъ лаврами. Въ послѣдствіи времени то же самое сдѣлалъ Каракалла.
- (24) Амбра, когда потерѣшь ее, издаетъ легкой, но весьма приятной запахъ.
- (25) На Востокѣ всѣ вѣряють силѣ словъ, вырѣзанныхъ на драгоценныхъ камняхъ, или вложенныхъ въ золотые ковчезцы. Это обыкновенно бывають стихи изъ Корана, и ихъ носяють на шеѣ, или же навязываютъ на руку въ видѣ запястья. Стихамъ о Корси (пресполь), изъ второй книги Корана, приписывается величайшая сила, и набожные Мусульмане вырѣзываютъ ихъ на ушваряхъ своихъ, какъ самое драгоценное и высокое изъ всѣхъ нравоучительныхъ изреченій.
- (26) У Мусульманъ четки называются комболюю. Рукописи восточныя, въ особенности же Персидскія, укращаются богатую живописью. Греческія дѣвушки вообще восточныя.
- № 19. Л

- пипывающся въ глубокомъ невѣжествѣ, напропивъ того многимъ Мусульманкамъ даешся воспитаніе весьма щцательное — само собою впрочемъ разумѣшся, что юнтя Турчанки при всей восточной своей образованности, были бы не самыми блестящими особами въ обществѣ Хрістіянокъ.
- (27) Галіонжій, или Галіонжей — Турецкой мореходецъ. На корабляхъ сей націи мапросы бывающъ изъ Грековъ, а солдаты Мусульмане. Уборъ Галонжеевъ чрезвычайно живописень. Лордъ Бейронъ часпо видалъ въ немъ Капитана - Пащу подъ завѣсою инкогнишо. У Галіонжеевъ ноги отккрыты. Уборъ ногъ, подобный Селимову, авшоръ видѣлъ въ Морѣ у своего хозяина, бывшаго прежде морскимъ разбойникомъ.
- (28) На полосахъ сабель Турецкихъ обыкновенно ставилса названіе мануфактуръ, гдѣ онѣ сдѣланы; но и того чаще изображающся на нихъ золотыми буквами какіе нибудь стихи изъ Корана.
- (29) Вообще все относящееся къ Вепхому Завьшу не менѣ извѣстно Туркамъ, какъ и Евреямъ. Первые въ добавокъ еще гордятся мнимымъ знаніемъ разныхъ весьма обстоятельныхъ подробностей касательно жизни Паптріарховъ — пакихъ подробностей, какихъ нѣтъ въ нашемъ Священномъ Писаніи. У нихъ даже есть баснословныя жизнеописанія Преадамиповъ. Они почитающъ Моисей и Соломона. Зюлеика есть Персидское названіе жены Пентефрія, и любовь ея къ Іосифу служить содержаніемъ одной изъ прекраснѣйшихъ поемъ на семь языкѣ.

- (30) Пасванъ - Оглу, Паша Виддинскій, извѣстный мѣлешникъ. Въ послѣдніе годы жизни своей онъ былъ весьма опасенъ могучеству Опшоманскому.
- (31) Бунчукъ естъ знамя Пашей; оно состоишь изъ лошадиного хвоста, къ копыю привязаннаго.
- (32) Одинъ изъ Пашей подобнымъ образомъ былъ отправленъ Али - Пашею. Варваръ послѣ женился на дочери умерщвленнаго имъ челоуька. Ядъ всыпанъ былъ въ кофе, которое на Воспокъ обыкновенно пьютъ прежде сорбеша, вышедши изъ бани.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ богатому сосѣду (*).

Auream quisquis mediocritatem
Diligit, tutus caret obsoleti
Sordibus tecti, caret invidendâ
Sobrius aulâ,

HORAT., ad Licinium.

Какъ отъ хаоса міръ воззванный
Въ безплодной безднѣ возсіялъ, —
Искусства мощью такъ созданный,
Изъ праха швой чертогъ возспалъ;

(*) Читано въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности при здѣшнемъ Университетѣ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 20.

ОКТАБРЬ. 1821.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Абидосская невеста (*).

(Окончаніе.)

XIX.

„Ладія вѣрнаго Мавра перенесла меня въ даль отъ здѣшняго берега. Желая видѣть острова, составляющіе багряную діадиму пресварѣлаго Океана, я посѣтилъ каждой изъ нихъ одинъ послѣ другаго (33). Но въ какое время и въ какомъ мѣстѣ соединился я съ морскими разбойниками, которые со мною вмѣстѣ поклялись торжествовать побѣду или погибнуть, — эту часть моей исторіи ты узнаешь, когда исполнятся желанія наши.

(*) Въ 19 книжкѣ, подъ заглавіемъ сплатьи сей, надлежало бы пославить: *Продолженіе.*

XX.

„Морскіе разбойники, должно сказати шебѣ, живущіе не подѣ власнїю законовѣ; они грубы въ своихѣ поступкахѣ и жестокіи нравомѣ. Люди всѣхѣ націй, всѣхѣ исповѣданій находятѣ мѣсто между ними. Но ошкровенность въ рѣчахѣ, бысроша въ дѣйствїяхѣ, повиновенїе къ начальнику, безстрашіе духа, готовность на всѣ предпрїятїя, взаимная дружба и вѣрность къ шоварищамѣ, клятвенная обязанность мщїи за погибшихѣ — вопѣ выгоды, съ которыми они будутѣ полезны для моихѣ предпрїятїй. Многіе изѣ нихѣ оплчуютѣ превосходнѣйшими качествами: такихѣ призываю въ совѣтѣ свой, и они приносятѣ съ собою всю гибкость ума, все благоразумїе Франковѣ. Нѣкоторые спремїются къ высшему предназначенїю: ешо послѣднїе папрїюши, сподвижники Ламбра (34), пришедшіе вкусишѣ между нами первые начашки свободы. Не рѣдко вокругѣ огнища вертепа спорятѣ они о мечтательныхѣ планахѣ освобожденїя Райясовѣ отѣ злосчастнаго ихѣ ига (35). Пускай веселятся они, бесѣдуя о равенствѣ правѣ, отѣ вѣка невѣдомыхѣ людямѣ. . . . Впрочемѣ я, я спакже люблю свободу.

„Ахѣ ! ничего сполько не желаю, какѣ спраншвовати по морю подобно Папрїар-

ху Окѣана (36), или ристать по землѣ, подобно Тамарамъ (37). На берегу шатеръ, на морѣ ладья — вотъ что предпочитаю и городамъ и сералямъ! Въ пущынкѣ пускай конь мой скачетъ, куда хочетъ; на морѣ дуетъ ладья моя плаваетъ по волѣ въспровъ. А ты, о Зюлейка! будь пугеводною звѣздою спранствующему швоему другу; дѣли со мною ладію и будь счастливою въ своей долѣ, будь голубицею мира и надежды въ ковчегѣ моего убѣжища; посреди бурь жизни будь радугою для того, кто отказался отъ чаянія наслаждаться счастьемъ въ здѣшнемъ мѣрѣ смятеній и коварства; будь для меня лучемъ вечера, котораго улыбка разгоняетъ облака и котораго пророчесственный блескъ предвѣщаетъ шихое ушро. Я же буду благословлять тебя, какъ набожный странникъ благословляетъ пѣние муеццины, раздающееся съ высокимъ минаретъ Мекки. Ты будешь восхищительна для меня, какъ прелестъ голоса мелодическаго въ устахъ юной красавицы; прелестъ испоргающая дрожащую слезу у нѣмага удивленія. Звуки голоса швоего будутъ для меня столь же милы, какъ напитокъ родины для слуха изгнанниковъ. Бесѣдка изъ свѣжей зелени ждетъ тебя на сихъ островахъ прелестныхъ: она прекрасна, какъ Едемъ въ первые дни послѣ созданія міра (38). Сопни мечей извлекушя изъ ноженъ оборо-

нятъ тебя по мановенію Селима : ты вѣдешь — и они ударяютъ, останавливаясь, или же истребятъ враговъ нашихъ. Дружина принесетъ къ сполнамъ супруги моей корысти народовъ. Медленные годы бездѣйствія, наслажденія гарема. . . Можно ли предпочесть ихъ симъ заботамъ? что говорю я! не заботамъ, а утѣхамъ жизни!

„Не ослѣпляюсь мечтами о будущей судьбѣ моей; повсюду мнѣ предстоятъ безчисленные опасности; но нѣжность Зюлейки всегда будетъ наградою трудовъ моихъ, хотя бы Фортуна перестала благоприятствовать мнѣ, хотя бы даже мои друзья мнѣ измѣнили. Во время величайшихъ бѣдъ спивій, когда все вокругъ меня переизмѣнилось, о! и тогда какъ буду счастлива я, видя твою вѣрность! Душа твоя да будетъ въ твердости подобна Селимовой; душа Селима да будетъ мила тебѣ, какъ твоя собственная. Намъ должно услаждать всѣ наши горести, дѣлать всѣ наши утѣхи, сливать всѣ наши мысли. Зюлейка! мы навсегда неразлучны. Храбрые ждутъ моихъ повелѣній. Мы всѣ друзья между собою, и враги всѣмъ прочимъ людямъ. Ах! и мы повинемся бурному стремленію, которое махиха Природа вдохнула въ сердца человѣческія. Взгляни на мѣста сіи, гдѣ кровопролитіе прекратилось, и гдѣ духъ завоеванія остановился жесшкые свои подвиги: повсюду царствуетъ

безмолвіе пустыни, и вопль что называютъ миромъ! Я человекъ, и я, какъ другіе, хочу слѣдовать моей склонности, хочу пользоваться моими силами. . . .

„Еще нѣсколько словъ, и я кончу. Тебѣ оспается произнести одно лишь слово, и неизмѣримое просиравство будетъ раздѣлять насъ отъ враговъ нашихъ; говорю, отъ враговъ: ибо не заслуживаютъ ли они сего имени? Погаснетъ ли когда либо ненависть ко мнѣ въ сердцѣ Джаффира? Не должна ли пы ненависть Османа, когда онъ вознамѣрился разлучить себя съ Селдомъ?

XXI.

„Въ назначенный срокъ я возвратился къ моему спражу, чтобы предохранить его отъ подозрѣній и отъ смерти. Тайна морскихъ моихъ походовъ извѣстна очень немногимъ, и никто не разгласилъ ее; никто, въ отсутствіе мое, не объявилъ, что я плавалъ отъ одного острова къ другому. Съ того времени, хотя и весьма рѣдко я оставляю твердую землю, дружина моя ничего не предпринимала, и ничего не предпринимать, неизвѣстивъ меня и не получивъ моихъ повелѣній. Я составляю планы нападей, и я же распределяю добычу послѣ побѣды: справедливость требуетъ, чтобы я чаще воздавалъ за труды моимъ воинамъ.

„Но уже слишкомъ долго я обременяю слухъ твой. Время не терпитъ опсрочки; ладья моя готова, и мы оставимъ за собою только лишь страхъ и ненависть. Завтра Османъ явится съ своею свитой, а нынѣшняя ночь должна распоргнуть твои цѣпи. Слѣдуй за мною, Зюлейка! отправимся, если желаешь спасти жизнь етому высокомуърому. Бею, а можетъ спасться и своему родителю. Есть другія узы, которыми привязана ты къ здѣшнему свѣту; но отречешься ли отъ кляпвы, добровольно произнесенной тобою? Не пугаютъ ли тебя тайны, которыя отъ меня услышала? Еслибъ и здѣсь я оспался, то конечно не для того, чтобы видѣть тебя въ объятіяхъ другаго. Ахъ! одному мнѣ да угрожаютъ опасности!“

XXII.

Безмолвна и неподвижна была Зюлейка, подобно мазери несчастной, которая превращена въ испуганъ мраморный въ самое то мгновение, когда послѣдняя надежда ея исчезла навѣки. Все представляло образъ Ниобы въ юной дѣвицѣ, споль же злополучной, хотя и младшей лѣтами. Еще уста ея не успѣли вымолвить ниже одного слова, еще глаза ея не могли дать отвѣта на взгляды Селима, какъ вдругъ показался дрожащій свѣтъ пламенника въ гал-

лереѣ сада, вѣ слѣдѣ за нимѣ другою!, пошомѣ прешьяго, наконецѣ многихѣ.

»Бѣги отсюда!« восклицаетѣ Зюлейка: »теперь ты для меня драгоцѣннѣе брата!« Факелы съ быспропою приближаются по темнымѣ аллеямѣ. Ихѣ несутѣ солдаты, вооруженные обнаженными саблями, коихѣ гладкая сталь отражаетѣ огненную багряностѣ. Они бѣгутѣ, преслѣдуютѣ, удаляются, опять приходятѣ, и все съ убійственнымѣ вѣ рукахѣ орудиемѣ и съ пугающимѣ пламенникомѣ. Позади всѣхѣ ужасный Джаффирѣ, съ пѣною во рту отѣ бѣшенства; онѣ приближается, потрясая мечемѣ своимѣ. Уже они у входа пещеры. Ахѣ! мѣсто сіе должно бытѣ могилою Селима.

XXIII.

Селимѣ неспрашиваетѣ. »Все кончилось!« сказалѣ онѣ: »наступилѣ часѣ мой... Одинѣ поцѣлуй, Зюлейка! послѣдний вѣ жизни!... Но товарищи мои должны бытѣ недалеко отѣ берега; они услышатѣ сигналѣ и узнаютѣ огонь моего оружія. Намѣ немного, предпріяніе безразсудное... Нѣтъ нужды! отважимся на послѣднее усиліе!«

Онѣ спремается ко входу пещеры, и ехо вдали вшоритѣ выстрѣлъ его пистолема. Зюлейка не шепчетѣ, ни одной

слезы непроливаются: опчаяніе оледенило ея очи и сжало въ ней сердце. »Они не слышатъ вѣстоваго звука! О небо! придущь и увидящъ меня уже мертвымъ. Выспрѣль привлечетъ ко мнѣ всѣхъ враговъ моихъ. . . . Теперь выходи изъ ноженъ, о мечъ моего родителя! Никогда еще не выдерживалъ ты сраженія споль неравнаго. Проспи, Зюлейка! возвращись въ замокъ; ты будешь тамъ въ безопасности, ибо гнѣвный Джіаффиръ накажетъ тебя одними лишь укоризнами. Иди оспорожно; берегись, чшобы не повредили тебя удары мечей и пули. Безпокоишься о жизни отца своего? Не бойся, Зюлейка! Клянуся, что скорѣе погибну самъ, нежели рѣшусь поразить его; такъ, даю обѣщъ щадить его, хотя онъ обременялъ меня оскорбленіемъ, хотя пролилъ кровь Абдаллы, моего родителя. Но должно ли мнѣ съ поскорностію дожидаться ударовъ отъ сихъ невольниковъ? О! пускай лишь дерзнутъ ко мнѣ приблизиться: всѣ, кромѣ его, ошущающъ силу меча Селимова.»

XXIV.

Быспро повернулся онъ, и уже достигаетъ сыпучаго берега. Одинъ изъ отважнѣйшихъ палъ уже отъ его ударовъ; тѣло несчастнаго превещетъ, и отдѣленная отъ шуловища голова съ рономомъ испускаетъ

вздохъ послѣдній. Еще и другой падаетъ. Но Селимъ окруженъ врагами; онъ размахиваетъ на всѣ стороны, чтобы проложитъ себѣ дорогу, останавливается у самаго берега, видя свою лодку. Еще пять ударовъ веслами, и дружина его была бы съ нимъ вмѣстѣ. Они напрягаютъ всѣ усилія. Ахъ! успѣютъ ли спасти своего начальника? Уже ноги его на подводныхъ камняхъ; товарищи бросаются вплавъ и мечи ихъ сверкаютъ среди морской пѣны. На конецъ они спутили на берегъ; выходятъ разъяренные, чтобы лишь кровь ручьями. Но кровь Селима обогрила уже горькую воду.

XXV.

Спасшись отъ стрѣлъ и мечей солдатъ Джаффировыхъ, или по крайней мѣрѣ легко раненый и незамѣпившій пого въ жару сраженія, оставленный Фортуною, обремененный изнеможеніемъ, Селимъ достигъ уже до мѣста, гдѣ волны разбивались о берегъ. Тамъ стога его въ послѣдній разъ оставяла землю, и рука его въ послѣдній разъ наносила ударъ смерти. Ахъ! почему обратился онъ чело, чтобы взглянуть на ту, кого взоры его тщетно искали? Пагубная минута! горестное доказательство любви среди опасносней грозныхъ! Взглядъ сей долженъ стоить ему или жизни, или неволи; но любовники никогда не перестаютъ на-

двѣясь. Селимъ опять усpreмилъ взоры на сопоспашовъ ; скачущія волны принесли къ нему поварищей , и уже они сражающся. Вдругъ засвистѣла въ воздухѣ пуля и раздались слова ужасныя : „Такъ гибнушъ всѣ враги Джіаффира !“ Чей голосъ произнесъ ихъ ? Какъ называется полкъ воинъ , котораго оружіе потрясло воздухъ , и чья пуля разсѣла мракъ ночи ? Это ты , убійца Абдаллы ! Старая злосць мѣшко направляла твои удары. Отца заставилъ ты продолжительно бороться со смертію ; но сынъ обрѣлъ себѣ мгновенную кончину. Кипящая кровь , брызнувъ изъ груди его , обагрила пѣнистую воду. Губы его усиливались издашь нѣсколько словъ послѣднихъ ; но шумъ валовъ недозволилъ ихъ слышать.

XXVI.

Заря упрення медленно разгоняетъ облака ; немногіе профей свидѣтельствуютъ о военныхъ дѣйствіяхъ минувшей полуночи. Молчаніе смѣнило вопли , которые накануне раздавались по заливу. Но и берегъ окровавленный сохранилъ нѣкоторые знаки убійства. На песокъ остающа еще слѣды воиновъ , багряные оппечатки рукъ и ногъ , боровшихся съ судорогами смерти ; тамъ и здѣсь лежатъ куски изломанныхъ ружей. Нѣсколько далѣе ошатоковъ погасшаго пламеника и ладія безъ веселъ ; тамъ епанча

бѣлая кинуша на кучѣ поросла у самага моря. Она разорвана на двѣ части и валы не смыли на ней пяпна кроваваго.

Но гдѣ же носившій на себѣ эту одежду? О вы, желающіе плакать надъ его останками! плавайте по морямъ, ищите ихъ. Зыбь увлекла уже ихъ къ водамъ Сигея или къ каменистымъ берегамъ Лемноса. Пшицы морскія издають дикіе вопли, перзая прурѣ, движеніемъ волны уносимый на минушу опѣ алчнаго ихъ кліова. Сія рука, шо подѣмлемая, шо опускаемая волвами, кажешся, еще грозилъ слабымъ ударомъ, хотпя ея движенія уже не управляюся жизнью.

Что нужды, что плоть Селима лежилъ въ живой могилѣ? Пшица, растерзавшая блѣдное чело его, опняла лишь добычу у другихъ живошныхъ, еще болѣе презришельныхъ. Ее нѣтъ уже болѣе, нѣтъ единственной женщины, коея сердце облилось бы кровью при видѣ издыхающаго Селима; нѣтъ той, чьи очи пролили бы слезы объ его смерти: Зюлейка собрала бы разбросанные члены его, рыдала бы надъ его могилой. Но сердце ея растерзалось, очи ея закрылись: они закрылись еще прежде очей любезнаго.

XXVII.

Чьи звуки плачевные слышу я при водахъ Геллы? Кто сіи женщины съ мокрыми ошь слезъ глазами? Кто мушины, у которыхъ печальныя и блѣдныя лица? О Зюлейка, послѣдняя отрасль фамиліи Джаффира! Назначенный супругъ пшвой опоздалъ своимъ прибытіемъ, и себя ошь вѣчно неувидишь. Можетъ ли не узнать онъ вулвулеговъ (39), к шорые скажутъ ему объ его несчастіи? Женщины, у дверей гарема плачущія; голоса, поющіе гимнъ смерти; невольники, стоящіе въ безмолвномъ ожиданіи, сложивъ крестомъ руки на груди своей; вздохи, которыми наполненъ весь замокъ; вопли, разносимые вѣтромъ — все очень скоро возвратишь ему объ его судьбѣ несчастной.

Ты не видала кончины любезнаго пшвого Селима; сердце пшвое оледенѣло въ ту ужасную минуту, когда онъ удалился отъ пещеры. Селимъ былъ пшвая надежда; радость, любовь пшвая; Селимъ для тебя все, и еша одна мысль была достаточна умертвить тебя, когда ты увидѣла, что спасти его неможешь: ты издала ужасный вопль, и несчастія пшвой свершились. Миръ пшвому расперзанному сердцу, миръ могилѣ дѣвы! Но, ахъ! ты была счастлива! Съ жизнью ты лишилась и того, что

ни есть въ ней самаго мучительнаго; своя скорбь, хотя весьма горькая и ужасная, была и первою, которую ты испытала. О счастливая прикрасы! уже неспрашно тебѣ могущество и опсушествія, ни стыда, ни гордости, ни злобы, ни мщенія, ни угрызеній! А та неизбяснимая попка сердца, весьма близкая къ самому плачевному безумію; ешопѣ червь никогда неумирающій и незнающій сна вовѣки; еша мысль, опѣ которой дни бывають мрачными, а ночи ужасными; чувство, которое боишя тмы, отвращается опѣ свѣта, и вкрадывается въ препенное сердце для того лишь, чтобѣ изнурять его! . . .

Горе тебѣ, деспотѣ неумолимый и безразсудный! Тщешно ты покрываешь голову свою пепломъ, тщешно покрываешь рубищемъ свое тѣло. Селимѣ пораженъ шюю же рукою, которая Абдаллу погубила: нынѣ исторгай волосы изъ бѣдой бороды своей въ знакъ печали. Любимица твоего сердца жестокаго, обреченная шобою въ подруги Осману, сія дщерь, которой немогѣ бы даже Султанѣ увидѣть безъ желанія имѣть ее своей супругою — ее нѣтъ уже на свѣтѣ! . . . Надежда твоей старости, единый лучъ вечера сумрачнаго, единая звѣзда блистала на берегу Гелдеспонпа: кто погасилъ ее? Кровь, проливая шобою.

Внимай, Джіаффиръ, внимай опголоску на часные вопросы, опчаяніемъ своимъ произносимые: гдѣ дочь моя? — *Гдѣ дочь моя?* опвѣчаешъ ехо (40).

XXVIII.

Есть одно мѣсто, котораго земная поверхность убѣлена камнями пысячи гробницъ, освняемыхъ печальнымъ кипарисомъ. Дерево сіе никогда невянешъ, хопя зелень его имѣетъ на себѣ признаки вѣчной меланхоліи, или любви въ надлежащее время не вознагражденной взаимнымъ чувствомъ. Въ епомъ мѣстѣ сѣшования, посреди сихъ рощицъ смерти земля всегда покрыва цвѣтами. Какая епо роза, уединенная, плняющая смиреннымъ своимъ уборомъ? Блѣдная и томная; можно подумать, что ее само опчаяніе здѣсь возраспило; легчайшій вѣперокъ, по видимому, долженъ оборвать всѣ ея листья: не смопря на шо, ни бури, ни дожди ее неповредили! Пускай руки, и зимняго неба суровѣ, сломятъ ее на стеблѣ; щещно! На другой день вы приходите, и она снова зеленѣетъ; духъ незримый поднимаетъ ее слегка и орошаетъ небесными слезами. Дщери Геллы имѣюшъ справедливую причину думать, что епо цвѣтѣ не земнаго происхожденія, когда не боится онъ убійственнаго дыханія бури, и освѣжается безъ всякой помощи посто-

ронней; онъ никогда невянепѣ , хотя бы весна опказала ему въ своей влагѣ , или солнце лѣтнее въ своей улыбкѣ. Незвѣстная ппичка чрезъ всю ночь поепѣ на кустѣ розовомъ; звуки ея споль сладостны, какъ пѣнне гурий небесныхъ. Меланхолическое горлышко соловья никогда неиздавало подобной мелодіи; ибо всякой, кто ни слушаепѣ ея, не можепѣ опойши прочъ; всѣ оспанавливаются и вздыхающпѣ , какъ бы чувствуя любовь безнадежную. Но споны имъ такъ пріяпны, и въ груспи ихъ такъ мало боязни, что всегда съ неудовольспвіемъ встрѣчающпѣ они ушро , копорымъ прекращаетса для нихъ очарованіе. Все еще желали бы они слушапѣ и плакапѣ , когда при возвращеніи дня переспающпѣ слышапѣ ппичую и спраспвую мелодію ппавспвенной ппички. Нѣкопорымъ малюшкамъ даже казалосъ (таковы мечпы младенчеспва!), будпшо прогательной голосп ея произносилъ (41) имя Зюлейки. Сказывающпѣ , что имя споль нѣжное въ самомъ длѣ опдаепса въ воздухъ съ вершины кипариса, оспвяющаго гробницу.

На землѣ , копорую покрывается прахъ ея, распепѣ кустѣ нѣжной розы: на мѣспѣ семъ былъ прежде сполбъ надгробный; по-ушро, спспавили его, на другой день его не спало. Не смершная рука перенесла на

берегъ моря ешотъ мраморъ, копорой былъ углубленъ и споялъ крѣпко на прежнемъ мѣстѣ. Преданіе гворитъ, что его нашли именно тамъ, гдѣ Селимъ сраженъ смертельнымъ ударомъ: тамъ о мраморный камень ударялись волны того моря, копорое носило на себѣ трупъ его, лишенный погребенія. Молва гласитъ, что на томъ же мѣстѣ по ночамъ видна бываетъ блѣдная голова въ шюрбанѣ: пошому - то и споящій у воды надгробный камень слыветъ *изголовьемъ тѣни морскаго разбойника*. На прежнемъ его мѣстѣ разцвѣла роза, символъ сѣшования; она разцвѣла и въ другой разъ, покрывшая каплями росы, печальная, блѣдная, подобная ланитѣ красоты, проливающей слезы, когда слушаетъ она плачевную повѣсть.

П р и м ѣ ч а н і я .

- (33) Турки совсѣмъ незнають другихъ острововъ кромѣ Архипелажскихъ и тѣхъ, копорые лежатъ на ближайшемъ морѣ.
- (34) Ламбро-Качіони извѣстенъ подвигами своими 1789 го и 1790 года, равно какъ и предпріятіями, клонившимися къ возсшановленію Греціи. Архипелагъ былъ театромъ морскихъ его поисковъ. Ламбро и Рига почитались отважнѣйшими изъ людей, мечтавшихъ о независимости Еллады. Послѣдній достался въ руки Туркамъ, и казненъ по повелѣнію Султана.

- (55) Райясами называютъ всѣхъ плавающихъ въ казну *garah*, по есць поголовную податьъ.
- (36) Плаваніе Праопца Ноя принадлежишь къ малому числу путешествій, Мусульманамъ, какъ думаютъ они, весьма извѣстныхъ.
- (37) Кочевая жизнь Арабовъ, Тапаръ и Туркомановъ писана во многихъ книгахъ; она для сихъ людей имѣетъ особенную прелесть. Одинъ Французскій ренегатъ признавался Шатобриану, что всякой разъ, когда случалось ему одному верхомъ на лошади ристать во всю скачь по пустынь, онъ обьятъ бывалъ чувствомъ неизъяснимымъ, близкимъ къ восторгу.
- (58) Жануашъ-аль-Еденъ — такъ называются селенія вѣчности, рай Мусульманскій.
- (39) Это плачевная пѣснь женщинъ надъ умершимъ. Турецкая благоприспособность не дозволяетъ, чтобы невольница публично изъявляла свою горестъ.
- (40) «Я пришелъ на свою родину и громко воскликнулъ: Друзья моей юности! гдѣ они? — и echo отвѣчало: гдѣ они?» Изъ *Арабск. рукописи.*
- (41) And airy tongues that syllable mens names.

Milton.

Т. е. и воздушные голоса произносятъ имена людей.

Нѣтъ нужды предпринимать путешествіе на Воспокъ, чтобы тамъ опыскивать людей, которые върятъ, будто души умершихъ являются въ видѣ пшичекъ. Герцогиня Кендалъ швердо была увѣрена, что Георгій I прилеталъ къ ея окну въ видѣ ворона. Нѣкоторая дама изъ Ворчестера, вообразивъ себѣ, что сестра ея приняла

№ 20. Р

видь одной пѣвчей ппички, велѣла поспа-
вить подь своимъ наломъ въ кафедраль-
ной церкви нѣсколько клѣтокъ съ ппичка-
ми той же породы. Какъ госпожа эта
была доспапочно и украшала церковь сво-
ими вкладами; по на спранность ея смощ-
рѣли сквозь пальцы.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Военный гимнъ Грековъ (*).

(Согиненіе Риги.)

Воспряньте, Греціи народы!

День славы насшупиль.

Докажемъ мы, что Грекъ свободы

И чести не забыль.

Распоргнемъ рабство вѣковое,

Оковы съ вый сорвемъ;

Ошмспимъ опечесиво свяпое,

Покрыпое спыдомъ!

(*) Писанный во время преждебывшаго воз-
спанія въ Морей. Здѣсь два перевода: оба
съ Греческаго языка, и предлагающя
единственнно какъ произведеніе соплемен-
ника народу, котораго именемъ, спра-
даніями и усилиями наполнены теперь всѣ
политическіе журналы и газеты. Рдрѣ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

Михиломъ Каченовскимъ.

ЧАСТЬ СХХ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,

1821.

О Г Л А В Л Е Н І Е

СТО ДВАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Справа

Проза.

Джууръ. - - - - -	3
Абидосская Невста. - 81, 161 и 241	

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Справа свующій Гомеръ. - - - - -	21
Превращеніе. - - - - -	28
Островъ. - - - - -	106
Возрожденіе. - - - - -	108
Старець. - - - - -	110
Къ богатому сосѣду. - - - - -	179
Военный гимнь Грековъ. - - - - -	258
Пѣснь Греческихъ воиновъ. - - - - -	260

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ И ЛИТТЕРАТУРА.

Оригенъ. - - - - -	30
Путешествіе на богомолье въ Савинъ Спорожескій монастырь. - - - - -	111
О свойствахъ Царя Іоанна Васильевича. - - - - -	126 и 184
Выписка изъ иностраннаго журнала. - - - - -	200
Объ упадкѣ древней словесности Греческой. - - - - -	262
Суздальскій Лѣтописецъ. - - - - -	274